

ЛитРес:

Мария Купчинова

В поисках цветущего папоротника

Мария Купчинова
В поисках цветущего
папоротника
Серия «Длинный список 2020 года
Премии «Электронная буква»»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54949633
В поисках цветущего папоротника: SelfPub;*

Аннотация

Тот, кто в ночь на Купалье увидит цветущий папоротник, будет счастлив, гласит легенда. Вот только счастье у всех разное, как и пути к нему. Ева, обычная деревенская девочка, прожила жизнь там, где родилась, на кусочке земли, который, был ли он частью России, Польши или Советским Союзом, оставался родной Беларусью. Алесь, её сверстник, прошёл военными дорогами Первой мировой войны, Гражданской, воевал в французском Сопротивлении, стал известным физиком. Кто из них оказался счастливее... Согласно теореме Пуанкаре о возвращении, любая частица стремится вернуться туда, откуда начинала свой путь. Но так ли просто вернуться... Нам кажется: мы знаем всё о своём прошлом. Давайте не будем торопиться судить.

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	13
3	18
4	23
5	30
6	38
7	42
8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Часть первая

1

– Ну, что ж, вернёмся к замечательному математику Анри Пуанкаре. Он прожил пятьдесят восемь лет: родился в 1854 году, умер в 1912-м, а после себя оставил около пятисот научных работ. В их числе знаменитая гипотеза Пуанкаре, о который вы все, как умные, интеллигентные люди, конечно, слышаны, – усмехнулся высокий пожилой мужчина, стоя на кафедре и протирая очки. – Однако сегодня мы с вами поговорим о другой его теореме, так называемой теореме вращения. Записывайте...

Профессор окинул взглядом аудиторию. На первом ряду две девочки подняли головы и посмотрели так внимательно, словно ожидали услышать нечто невероятное. Остальные демонстративно уткнулись в тетрадки, одновременно продолжая заниматься своими делами. Преподаватель застучал мелом по доске, объясняя доказательство.

– Теорему можно усилить, показав, что почти всякая движущаяся точка многократно возвращается к своему исходному положению. Это один из немногих общих выводов о характере движения. Детали движения никому не известны уже в случае...

«Да, вот в этом всё дело: в деталях движения», – профессор незаметно вздохнул. Мысль об этих неподдающихся никакому объяснению «деталях движения» преследовала его уже несколько месяцев, начиная с того летнего утра, когда он без видимой причины сначала оказался рядом с вокзалом, а затем купил билет на автобус, следующий до городка, в котором много лет назад была учительская семинария.

* * *

Как только дребезжащий сине-белый ЛАЗ свернул с шоссе на просёлочную дорогу, вдогонку понеслись клубы пыли. Пассажиры чертыхаясь то закрывали, то открывали окна, выбирая, задохнуться в раскалённом июльским зноем салоне или насквозь пропитаться пылью. Впрочем, закрытые окна помогали слабо: пыль проникала сквозь любые, даже самые незаметные щели, кружилась в воздухе, покрывая салон автобуса, пассажиров и их багаж серой пеленой.

Седой мужчина в клетчатой ковбойке и старых выгоревших брюках, с трудом втиснувшийся между двумя полными тетками на последнее сиденье, шурился, рассматривая танцующие от пола до потолка фонтанчики пыли, и не мог отделаться от мысли, что когда-то уже попадал в похожую пыльную бурю.

Автобус несколько раз чихнул на подъеме, дёрнулся и остановился. Водитель, молодой парень, несмотря на жару

щеголявший в джинсовом костюме, пошитом скорее всего в Одессе, на Малой Арнаутской, выпрыгнул из кабины, с досадой пнул колесо:

– Так и знал: когда-нибудь эта рухлядь прикажет долго жить. «Вечный двигатель, вечный двигатель», – передразнил кого-то. – Вот тебе и вечный. Что теперь делать?!

– Далее не поедет, пойду в сельсовет, вызывать другой автобус, – водитель с опаской заглянул в салон. Угадывая недовольство пассажиров, буркнул, смягчая неприятное известие: – Прабачце, люди добрые.

Люди добрые зашумели, завздыхали; в мешке, который бабуля, сидевшая перед седым мужчиной, не без труда удерживала на коленях, завизжал поросёнок, увеличивая на несколько децибел общий гомон.

– Потерпи, пригожужа, – запричитала старуха, ласково похлопывая по мешку, из которого высунулся розовый пяточок, – не ведаю, когда теперь с тобой домой доберемся. Али пёхом иттить, али ждать сидеть... всё не сладка.

Пока народ раздумывал, седой мужчина, перешагивая через вёдра, корзины, мешки, заполнившие проход, выбрался из автобуса, потянулся, распрямляя затекшую спину:

– Далеко сельсовет?

– Близневы-то? Рядом, километра три будет, а может, попутка подвернётся, – водитель вынул из кабины «Спидолу», прижал к груди и зашагал по обочине грунтовки.

«Вот почему всё казалось таким знакомым»...

Мужчина закинул лёгкую сумку на плечо, догнал водителя:

– Не возражаете, если составлю компанию?

На выгоревшем от зноя небе лениво ползли белые островки облаков; с двух сторон от просёлка всеми оттенками розового цвела гречиха, наполняя июльский день запахом мёда и неистовым жужжанием пчел. Впереди справа, почти на самой обочине, высились сосны, за ними, сквозь розовеющие стволы, выглядывала полуразрушенная деревянная усадьба с заколоченными окнами. Напротив через дорогу – деревенское кладбище.

– Дед, ты куда? – окликнул водитель спутника, вдруг повернувшего в сторону кладбища. – Вроде рано собрался, своим ходом-то, – неуклюже попытался пошутить и осёкся, удивленный странным выражением лица попутчика.

– Дела у меня тут, – пробормотал седой мужчина, – не ждите, сам доберусь.

Ограда кладбищенская сгнила и частично завалилась, зато железная калитка радостно скрипела на все голоса. Неширокая тропинка вела к свежему, еще пахнущему смолой срубу каплицы, разделяя кладбище на две части: православную и католическую. Изредка встречались аккуратные, ухоженные могилки, но большинство заросло травой, сквозь которую проглядывали поблёкшие искусственные цветы, скорее всего, принесённые ещё на Радуницу.

Немного поколебавшись, мужчина шагнул на католиче-

скую половину, издавна прозванную в народе «польской». Почувствовав нежданную усталость, опустился на траву, прислонился спиной к чьему-то холодному поминальному камню. Он и себе не мог объяснить, почему вдруг свернул на кладбище: здесь не было дорогих сердцу могил. Но в том, что автобус сломался именно тут, куда он никогда не возвращался даже в мыслях, было что-то необъяснимо правильное, словно действительно пришла пора...

Взгляд зацепился за скромный памятник из серого цемента, увенчанный крестом. В верхней части три буквы: R. I. P. С детства он помнил это латинское изречение на памятниках: *Requiescat in pace* – «Да упокоится с миром». Ниже, как положено, имя усопшего, годы жизни, эпитафия на польском: «*pokój jej duszy*». Перевёл: «Покой её душе», машинально прочитал имя. Ещё и ещё раз...

«Ева Базилевич, родилась в 1898 году, скончалась в 1971-м».

Вздохнул: «Шесть лет назад...»

Увидел себя со стороны: худой, небрежно одетый. Короткий седой ёжик, глубоко посаженные глаза, широкий, чуть приплюснутый нос, тонкие губы, глубокие морщины, избородившие лицо... Уже и не разберешь, где морщины, а где протянувшийся через глаз след от старого шрама. Усмехнулся: «Не слишком презентабельный вид для профессора...»

И тут же перед глазами встал худой подросток. Каштановые волосы, старательно зачёсанные назад, открывают высо-

кий лоб, в прищуренных карих глазах блестит любопытство, по-детски торчат оттопыренные уши...

Да, это было во флигеле того дома, который виднелся сквозь сосны и мимо которого он прошёл, не задержав взгляд. Казалось: то, давнее, уже не тревожит душу. Вот только ноги сами привели на кладбище...

* * *

На полу расстелена большая карта Европы, которую привез дядька Павел из Вильно. Они с Евой, лёжа на животах, ищут на карте небольшой городок.

– Смотри: там, где пересекаются прямые линии от Мадрида к Москве и от Хельсинки к Афинам, там город, в который я поеду учиться в семинарии.

– Будзеш, Алесь, на русской мове вучыцца, зусім нашу позабудеш¹, – вздыхает девочка.

– На каком же языке мне учиться? Я – православный, и семинария – русская, а мову нашу не забуду. Разве можно забыть:

«Плакала лета, зямлю пакідаючы;
Ціха ліліся слязінкі на поле.
Але прыгожаю восенню яснаю
Там, дзе упалі яны, вырасталі

¹ Будешь, Алесь, на русском языке учиться, совсем наш позабудешь. (бел.)

Кветкі асеннія, кветкі, ўспаённымя
Тугаю, горам...»²

Парнишка смутился и оборвал стихи, не дочитав до конца. Нарочито грубовато произнес:

– А ты русский учи, на нем тоже много хороших стихов писано, приеду – спрошу.

– Часу няма, сам ведаеш: я старэйшая³, – вздохнула девочка.

* * *

Седой профессор математики обхватил руками колени, уперся в них подбородком, задумчиво улыбнулся. Вспомнил, отчего так сильно смутился тогда: где-то хлопнула дверь, от сквозняка шевельнулись выбившиеся из-под козыньки завитки волос на тонкой девичьей шее. Почему-то это показалось парнишке трогательным, подумалось: может, и видятся они с Евой последний раз...

«Да нет, какое, к черту, предвидение», – профессор недовольно поморщился, – просто мелькнула мысль и пропала. А может, я это только сейчас придумал...»

² Автор Максим Богданович (1891–1918). Поэт, публицист, переводчик, классик белорусской литературы. Подстрочный перевод: Плакало лето, землю оставляя, тихо лились те слезинки на поле. Только пригожею осенью ясною, там, где упали они, вырастали цветы осенние, цветы, напоённые тоскою и горем...

³ Времени нет, сам знаешь: я старшая. (бел.)

Нехотя поднялся, наклонился отряхнуть брюки. Мелькнули затаившиеся в траве алые капельки, наполненные сладким соком, словно брызги живой воды на печальном погосте. Сорвал кустик земляники, положил у подножия памятника: «Ты любила красные ягоды».

* * *

Тропинка, ведущая ко входу в усадьбу, заросла кустарником. Ступени крыльца разрушены, возносящиеся над ними колонны террасы ошетинились битым кирпичом. Когда-то крепкий и уютный деревянный дом с двухэтажной каменной пристройкой, двумя одноэтажными флигелями – каменным и деревянным, теперь напоминал неопрятного старика-доходягу, доживающего свои последние дни.

Профессор прочитал едва различимую табличку у двери, зачем-то потрогал тяжёлый амбарный замок. Показалось: в тот последний день, подгоняемая казаками, мать именно такой повесила на дверях.

– Что пан ищет?

Пожилая женщина с плетёным кошиком⁴ в руках остановилась за спиной, с любопытством рассматривая чужака.

«Вчерашний день», – захотелось буркнуть в ответ правду, но сдержался:

⁴ Корзинка.

– Судя по табличке, здесь музыкальная школа? Что же всё в таком запустении?

– Эх, милый, когда это было, – махнула рукой женщина. – Почитай, шесть годков прошло, как учительница наша, Марья Иосифовна, мать схоронила, сын её и забрал в город. Душевная была, детишек любила. А без неё некому учить стало, молодые-то в деревню не хотят ехать. Да и струменты давно растаскал народ...

...Он едва успел. Их распустили из семинарии по домам с наказом немедленно эвакуироваться, но – мальчишки! – конечно, они задержались, прощаясь. Порассуждали, что дела на фронте плохи (как будто не виден был на западе дым горящих деревень), оглядываясь по сторонам, пошептались, повторяя за старшими, что всюду измена: снарядов не хватает, пушки, говорят, разрывает при первом же выстреле, и зря их пока ещё не призывают, уж они бы...

Мать, уронив шаль с тонких плеч, с глазами, полными слёз, бросилась к сыну:

– Алесь, слава богу, я уже надежду потеряла, что ты поспеешь. Видишь, эти, – кивнула в сторону верховых с шашками на боку и винтовками за плечами, – требуют, чтобы в течение часа оставили маёнтак⁵, иначе, говорят, подожгут сами. Я им про то, что и брат, и муж на фронте, а они не слушают, только нагайками своими размахивают.

Возле дома стояла груженная скарбом телега, мычали привязанные к ней коровы, любимицы матушки, Зорянка с Белянкой, тонко верещал спрятанный где-то среди мешков весёлый поросёнок Борька.

⁵ Поместье.

Однообразной вереницей потянулись дни. Тоскливые, серые, как низкое небо над Брест-Московским трактом. Конец августа девятьсот пятнадцатого года выдался сухим и жарким. Рыжевато-серая пыль лежала на подводах и бричках беженцев, на копытах и боках коров, тупо тащившихся вслед за повозками. В глазах животных читалось удивление и застывший упрёк: куда, зачем их ведут в этом караване горя мимо пока ещё зелёных лугов...

Говорили о холере. Шептались, что где-то там, впереди, вымерли целые деревни, а потому сторонились незнакомцев, не позволяя присесть у своего костра и отказывая чужакам в еде из одного чугунка.

Впрочем, и между односельчанами отношения с каждым днем становились суше и жёстче. Пришлось зарезать Борьку: нечем стало кормить. Алесь не смог, зато сосед, многодетный крестьянин с радостью согласился, но почти всё мясо забрал себе, оставив им с матерью рёбра да немного грудинки:

– Вас, пани, двое, хватит и того, не оголодаете. А у меня семья большая. Кожны сваё беражэ.

Алесь боялся лишний раз взглянуть в сторону матери. Она иссохла, посерела. Уже не чувствовался налёт зажиточной жизни, различимый прежде почти в каждой её фразе, а

педантичное пристрастие к порядку сменилось безразличием и непреходящей усталостью.

* * *

Всё быстрее приближалась артиллерийская канонада, всё чаще стали попадаться могильные холмики вдоль дороги, и случилось то, что когда-нибудь должно было случиться: пересеклись дороги военных, двигавшихся в сторону фронта, и населения, согнанного с родных мест и уходящего от войны.

Ругань армейских обозных и свист нагаек, которыми расчищали дорогу для артиллерии; плач детей и крики женщин, перевёрнутые телеги, втоптаные в грязь рушники, посуды, нехитрая еда, мычание перепуганных коров и проклятия стариков... Всё смешалось.

– Алесь, я больше не могу, – взмолилась мать. – Давай поворотим назад, будь что будет.

Не слушая возражений сына, свернула с тракта.

Вслед за военными обозами поехали полем. Неубранная рожь кланялась тяжёлыми колосьями, скрывая сор и грязь войны: обрывки каких-то бумаг, окровавленные бинты, осколки бутылок, черепки. Показавшаяся вдали просёлочная дорога манила тишиной и мирным уютom. На обочине цвела желтая пижма, кланялись ветру фиолетовые столбики шалфея. Алесю даже почудилось: стоит только доехать туда – и вернешься в прежнюю, довоенную жизнь.

Неожиданный резкий свист оборвал что-то внутри. Ни взрыва, ни пламени Алесь не увидел.

* * *

– Оклемался, хлопче? Це добре. Что ж вы, бисовы дети, энтой дорогой поихали? – над Алесем колыхалась большая черная папаха.

Что-то скрипело, будто старая люлька качались доски, а перед глазами крутились смерчи пыли. Они взвевались к брезентовому потолку, опускались вниз, вихрились, дрожа в столбе солнечного света, и снова взлетали...

У того, кто склонился над ним, серое от пыли лицо, на когда-то чёрных черкеске и папaxe тоже слой пыли.

– Где мама? – Алесь попытался подняться.

– Лежи-лежи, хлопче, – поймали его большие сильные руки, – я утешать не мастак: не свезло твоей мамке. Снаряд, почитай, рядом разорвался, коровы живёхоньки, а мамку твою – осколком вусмерть.

Алесь опять приподнялся, но казак прижал его к деревянным доскам фурманки:

– Ты, пацан, дураковать прекрати... Мамку не возвернёшь, похавали мы её там же, в поле. А тебя, мабуть, контузило, без памяти был, мы тебя и прихватили с собой. Сутки, почитай, пролежал. Что же вы так... неаккуратно... по той дороге и не ездит никто, бо немец как заведённый ее обстре-

ливаает, с перерывами на обед... Кофей, наверное, пьет.

Помолчал, потом добавил:

– Коров твоих, звиняй уж, мы зарезали да беженцам отдали: экая нынче прорва голодных ртов... А тебе, видать, плагида – с нами таперича. Эй, хлопче, слышишь меня? Хоть головой махни...

Алесь собрался с силами:

– Слышу. Вы кто?

– Добре. Давай знакомиться, – поправил папаху на голове, распрямился, выставив на обозрение серебряные газыри на черкеске, – урядник Кочубей, Иван Антонович.

– Алесь Близневский, – подумал и уточнил, – Александр Станиславович.

– Какой тебе год пошёл, Александр Станиславович?

– Семнадцатый, я в учительской семинарии занимался.

– То и ладно, чему-нибудь мы тебя подучим, чему-нибудь – ты нас...

...Немцы пришли в Близневцы затемно. Сначала очень долго что-то грохотало так, что закладывало уши. Михась с Янеком капризничали, испуганно жались к сестре, отказываясь выходить во двор. Наступившая затем тишина показала ещё страшнее, точно весь мир провалился в тартарары, и они одни остались на белом свете. Впрочем, кто в досталь нахлебался сиротской доли, знает: война страшна, но и кроме неё слёз хватает.

Ева решительно перекрестилась, накинула на голову материнский платок и, не надеясь на братьев, сама отправилась кормить кур да старого облезлого петуха. Походя прикоснулась к заросшим затылкам мальчишек. Не то приласкала, не то пожурила.

– Вярнуся, свечку запалю⁶.

Открыла входную дверь и оцепенела: околицей скакал отряд верховых в странных остроконечных шлемах. Гнетущая тишина сменилась цокотом копыт, непонятными возгласами, лающим громким смехом. Ева пожалела, что выглянула на улицу, втянула голову в плечи и быстрее шагнула в клеть. Не станет она смотреть, что там делается, её это не касается.

Стук калитки не оставил надежды: если уж вышла война на большак, заглянет и в твой дом, не минует. Двое всад-

⁶ Вернусь, свечку зажгу. (бел.)

ников спешили, склонившись, переступили через высокий порог и, запалив свечу, прошли в хату. Колеблющееся пламя выхватило две тяжёлые деревянные лавки, сходящиеся в углу, над ними – покрытые рушником иконы, свисающую лампаду. Под иконами – прижавшиеся друг к другу восьмилетний Михась и шестилетний Янек.

* * *

– Тут жабракi живуць⁷, пан военный, – подобострастно пролепетал староста, зашедший вместе с немецкими солдатами, и, обращаясь к Еве, пояснил:

– Сейчас перепишут, у кого сколько зерна найдут, а с утра заберут, реквизируют, значит.

– Так няма ў нас нічога, вы ж, дзядзька, ведаеце⁸.

Староста пожал плечами, а немецкие солдаты, пошвыряв на пол рубашки, сарафаны и цветастые платки из полупустого сундука-кофра, в котором Ева берегла то, что осталось от материнского приданого, перебрались в клеть, где когда-то хранились запасы зерна, продуктов, одежды. Не стало родителей, и клеть почти опустела: только старый отцовский кожух на жерди (долго еще Михасю расти до него!) да в плетёных когда-то отцом ящиках – на донышке овощей.

Раздался радостный гогот: рыжий коротконогий вояка,

⁷ Тут нищие живут. (бел.)

⁸ Да нет у нас ничего, дядька, вы ж знаете. (бел.)

сдвинув набок расстёгнутый патронташ, с энтузиазмом со-вал штык в небольшую кадку с крышкой, по-деревенски – кубел, почти доверху наполненную житом.

– Не, пан, не, нам жить, – девочка-подросток птицей кинулась на солдата, платок материнский крыльями взлетел за спиной.

Из комнаты донеслось, как в два голоса зашлись братья, словно прорвало плотину слёз, до того сдерживаемых страхом.

– Не связывайся, Ева, – староста силой оторвал разгневанную молодую хозяйку, толкнул себе за спину. Поклонился:

– Берите, пан, конечно, раз вам надо.

– Ева? – захохотал спутник рыжего. Погрозил пальцем:

– Ты не есть Ева. Ева там, – указал грязным пальцем на потолок, подразумевая небо. – А ты – Маруся. Вы здесь все Маруси, запомни...

* * *

Чёрной водой захлестнуло отчаянье. Словно догадавшись о беде, пролилось коротким долгожданным дождём небо над селеньем, не принося облегчения. Не поможет небо, никто не поможет, самой надо... Кусая губы, запрещая себе слёзы, Ева сидела на земляном полу, обняв кубел. В нём одном – надежда пережить зиму, хоть что-то посадить весной...

Пыталась читать молитвы, но в голове крутилось: «Алесь

бы придумал. Алесь – умный. Млынок (мельницу) на речке поставил, все ходили смотреть, как колесо вертится. Отец не любил Близневских: не мог простить деду Алесю, что тот после восстания купил задёшево эти земли. И пани Близневскую отец не любил: образованная, языки знает, а по-простому и слова не скажет. Она бы сейчас поджала тонкие губы, процедила: «Бог дал, бог взял, Ева» – это ведь она оставила жито... Но Алесь-то в чём виноват? Он бы обязательно придумал, что делать...»

* * *

Утром хлопнула дверь, лязгнул железный засов. Немецкий учётчик с записной книжечкой да второй немец, который был с рыжим, сразу из сеней направились в клеть.

– Гэта памылка, пан. Там унізе анучы, по-русски – тряпки, пан разумеє?⁹ – торопливо забормотала Ева, настороженно выпрямившись в дверях клетки и загораживая спиной осмелевших братьев.

– Пан разумеє, – усмехнулся учётчик, листая записную книжку.

Сбросив крышку кубела, он попытался проткнуть древком стоявших рядом граблей верхний слой жита. Не удалось. Со злостью ткнул ещё раз, ещё... Опрокинул кубел. На тон-

⁹ Это ошибка, пан. Там внизу тряпки... пан понимает? (бел.)

кий слой жита вывалились обрывки детской одежды, полотенца...

– Schweine¹⁰.

Второй немец достал из кармана кителя губную гармошку, дунул в неё так, что она застонала:

– Ты есть дрань, Маруся, – и зареготал, как будто сказал что-то очень смешное.

Когда они наконец ушли, Ева опустилась на твёрдый земляной пол, в который она с братьями ночью, выкопав ров, схоронила жито, и заплакала. Братья неумело гладили её по лицу:

– Не плач, яны не вернуцца...¹¹

¹⁰ Свиньи. (нем.)

¹¹ Не плачь, они не вернутся. (бел.)

Стучали колеса поезда, раскачивалась теплушка. Весна семнадцатого года не скупясь заметала рельсы снегом. Но даже необходимость два-три раза в день вылезать из теплушки и расчищать путь не могла испортить Алесю настроение: ехали-то в тёплые края, в далёкие земли. Кони в стойлах, помахивая висящими на шеях торбами, с хрустом жевали овёс. Восемь жеребцов и Алесь при них... Почти два года прошло с того момента, как прибился он к казакам. С людьми трудно сходилась, но коней полюбил всем сердцем. Дома лошади были всего лишь необходимой животиной, тем, без чего в хозяйстве не обойтись, а для казака конь с детства – часть души. Алесь их чистил, кормил, гладил умные морды, даже стихи иногда читал, они в ответ моргали глазами с длинными ресницами и, казалось, всё понимали.

Только Ураган, вороной жеребец Кочубея, не подпускал к себе, приседая на задние копыта и поднимаясь «свечкой» при любом приближении. Сдвинув папаху на белесые брови, Кочубей довольно улыбался:

– Ревнует, стервец. Це верно, Алесь, прикипел я до тебя, як до свойго.

То страшное отступление по губерниям Северо-Западного края, когда иной раз кавалерия проходила сквозь обозы беженцев, оставляя за своей спиной проклятия, не забывалось. Озверевшая, обозлѣнная толпа давящих друг друга ради ломтя хлеба и глотка супа на пунктах кормления, едва присыпанные вдоль дороги трупы холерных, исходящий от них нестерпимый смрад...

Алесь вспоминал маму и не понимал, как смогла бы она вынести всё это.

Линия фронта отодвинулась в болота Полесья. До самых холодов носился в воздухе запах спирта и сивушных масел: сотни мелких винокуренных заводиков сливали водку в пруды и канавы. И опять лежали на земле трупы: немало было тех, кто, теряя рассудок, до беспамятства хлебал эту грязную жижу, не в силах устоять перед желанием забыться. Расплодившиеся в окопах и землянках крысы не позволяли терять бдительность. Они не гнушались трупами, но не забывали и про хлеб из солдатских пайков, а при случае могли покусать и заснувшего солдата.

Озабоченный, раздражённый Кочубей мелькал повсюду, вынуждая рубить брёвна, строить блиндажи, доводя всех до изнеможения, лишь бы были заняты делом.

А потом худощавый, изящный взлетал на коня, заставлял

Алеся скакать рядом, не отставая ни на шаг рубить кусты, метать нож...

Алесь неумело взмахивал шашкой.

– Не, милай, ты вже на куски порубан, – вздыхал урядник. – Давай ще раз, замахивайся на меня.

– Не могу я на человека, Иван Антонович.

Глаза Кочубея становились жестокими, тонкие губы неодобрительно кривились:

– От, яка мамка, така и лялька. Тут война, Алесь, не мамкины пряники. Альбо ты яго, альбо тебя.

Когда прошел слух, что собирают Кубанский конный отряд особого назначения, Кочубей записался не раздумывая. Записал и Алеся, предупредив:

– Ты, главное дело, помалкивай. И рядом держись.

* * *

Тяжело стукнула дверь. В теплушку, словно на коня, легко запрыгнул Кочубей, на плечах – недавно полученные лычки старшего урядника.

– Фух, снова остановились. Боле стоим, чем едем. Ладно бы на вокзалах, а то ведь, как зараз, в голом поле. Добре у тебя тут, Алесь, тихо... Эти-то горлопаны в вагонах всё разоряются: сами не ведают, чего хотят.

Раскинулся вольготно на сене, подложив руки под голову:

– Талдычат про революцию... Николашка от трона отка-

зался, бог с ним, не мово ума дело. Но отказываться лошадей чистить да кормить – непорядок. Они же не люди, не разумеют всех этих дел...

Усмехнулся, на подвижном лице обозначились резкие морщины:

– Слыхал, Алесь? Наш-то господин есаул уже не Шкúра, а Шкуро. Балакает, шо Николашка перед самым отречением успел указ подписать. Свезло казаку: государь об нём одном подумал... Оно и ладно бы, да как воевать на Кавказе с персами, коли в армии бедлам такой? А персиянки, гуторят, дюже красивые!

Потянулся, тихонько звякнули на черкеске три георгиевских креста:

– Чево задумался, Алесь, альбо не слышишь?

* * *

Алесь вспомнил первую встречу с есаулом. Было это перед рейдом по тылам Полесья на Западном фронте. Насиделись казаки в блиндажах, заскучали без дела, в бой рвутся. Кони с ноги на ногу переступают, фыркают. На правом фланге строя – чёрное шёлковое знамя отряда с оскаленной волчьей мордой на полотнище, на левом – на ленивом, меланхоличном жеребце – Алесь. Длинная казачья шинель почти до земли сползла, под чёрной папашой – круглое безусое лицо да тонкая цыплячья шея. Есаул вдоль строя проскакал

и остановился, озадаченный:

– Эт-то что за недоразумение, прости господи? Откуда такое в отряде?

Бравый Кочубей вопреки уставу из строя выступил:

– Разрешите доложить, господин есаул: вольноопределяющийся Близневский. Назначен командованием толмачом в отряд.

– Какой, к чёрту, толмач тебе, урядник, нужен? Сам, что ли, на другом языке разговариваешь?

Гордо выпрямился урядник, глаза сверкнули:

– На мужицком – не гуторю, ваше высокоблагородие. Наш кубанский говор – единственный. А вольноопределяющийся еще и инструктором-пулемётчиком назначен.

– Тьфу на тебя, Иван, – махнул рукой есаул, – пулемёт-то у нас откуда?

– Отобьём, господин есаул. Их там, за проволокой, хватает.

Судьба миловала Алеся. Пронеслась «волчья стая» есаула Шкуро по тылам Минской губернии, затем по отрогам Южных Карпат почти без потерь. Теперь направлялась в Персию, служить в составе Отдельного Кавказского кавалерийского корпуса генерала Баратова.

* * *

– Слышу, Иван Антонович, – встрепнулся Алесь. –

Вспомнил, как господин есаул меня недоразумением нарёк.
Видать, до сих пор так считает.

– Ты просто до войны негодный, – вздохнул урядник, – а так-то – парень добрый, грамотный. Иной раз завидки берут: откель столько всего знаешь?! Я чего зашёл до тебя... Дюже на душе неспокойно. Может, стихи свои Расскажи, а?

– Сто раз говорил, Иван Антонович, не мои они. Поэт у нас есть такой – Максим Богданович.

– Добре-добре, памятью. Читай. Что-то уж больно заскучал я, – закрыв глаза, Кочубей откинулся на спину, губы изогнулись в полуулыбке.

– Сумна мне, а ў сэрцы смутак ціха запявае:
Сцежка ў полі пралягае, траўкай зарастае.
Каля сцежкі пахіліўся явар да каліны, —
Там кахаліся калісь-то хлопец і дзіўчына,

– вздохнул Алесь.

– Вот! Гляди-ка: не наш язык, а всё понятно. И у меня точно так было. Дальше-то что, Алесь?

И звучит в теплушке горькое:

– Ой, ішла дарога долам, ды ішла і горкай, —
Не схавалася дзіўчына ад тэй долі горкай:
Бо ляжыць яе дарожка, траўкай зарастае;
Сумна глянуць, цяжка бачыць, жаль душу праймае¹²

¹² Грустно мне, печаль на сердце тихо запевае: У тропы той наклонился белый

клён к калине, — Там когда-то полюбились парень да дивчина. Ой, дорога шла долиной, шла она и горкой, — И не спряталась дивчина от той доли горькой: Ведь лежит её тропинка, травкой зарастает; Так мне жалко это видеть, душу боль пронзает. Перевод Анны Дудки.

Толпа на привокзальной площади шипела, гудела и плевалась, словно вода в котелке, поставленном на огонь. Куда ни глянешь – всюду солдатские шинели, казацьи бурки, папахи, винтовки. Редкими вкраплениями – штатские. Все рвались на юг... В переполненных поездах пассажиры с драками занимали места в тамбурах, на крышах. Составы двигались не спеша, на крупных узловых станциях стояли сутками – железнодорожники тоже митинговали.

Суетились гражданские, не без основания опасаясь за свои мешки, чемоданы и карманы. Женщины непрерывно прикасались к потайным местам, проверяя на месте ли драгоценности – деньги нынче не в почёте: ни керенки, ни старые рубли... Солдатские лидеры наловчились: прорывались к диспетчерам с оружием, полчаса угроз, и теплушка сдвигалась с места...

То в одном, то в другом месте на перроне вспыхивали, перебивая друг друга, частушки да песни:

– Не жмись, не журишь, пачалася нова жисть...

Вздыхала гармошка в умелых руках, тосковала окружившая гармониста толпа, подхватывала, не сговариваясь, расходясь на два голоса:

– Над Кубанью, над рекой, да ехал парень молодой...

А где-то и в пляс пускались:

– Ой, вагон ползёт, ой, качается,
Казак к миленькой возвращается...

Кажется, только Кочубей с Алесем не разделяли ни бьющий через край энтузиазм, ни смятение, заглушаемое песнями да плясками – кто знает, как жить в той «новой жисти», которая наступила. Вот и обтекала гудящая толпа прислонившихся к старому тополю казаков. Не дай бог, заразишься их отрешённостью да задумаешься...

* * *

...Персия в первые дни показалась раем: в ручьях рыба плещет, в высокой изумрудной траве, щекочущей брюхо лошадям, хочется лежать, раскинув руки, и слушать щебетание птиц... Постреливают, ну так на то она и война.

Гаранский перевал обнажил правду: рай заселён, вновь прибывшим здесь не слишком рады. На редких привалах, если мгновенно не засыпали, казаки поговаривали о предательстве генералов, отвечающих за снабжение армий, робко шептались, что войну пора кончать и возвращаться домой – своя земелька стонет без мужских рук.

Турки, безошибочно почувствовав смуту в русских войсках, переходили в наступление, курдские племена нападали на тылы. Горные дороги, едва обозначенные на картах, пре-

граждали то вывернутые с корнем деревья, то пни в несколько обхватов, то водопады. Даже неутомимые кубанские лошади, случалось, падали от усталости, а люди днем и ночью ожидали нападения из засады.

* * *

В начале августа поступила команда выбить турок из местечка восточнее Гаранского перевала. Местные жители подсказали: была когда-то тропка, заходящая в тыл турецких позиций, по ней и отправился разъезд в разведку. Впереди – хорунжий Назаренко, за ним пулемётная группа: авось удастся укрепиться на фланге, следом ещё три казака, а замыкающие Кочубей с Алесем.

Не зря говорят: темнее всего перед рассветом. Не заметил Назаренко, как вильнула тропа в сторону, едва удержал коня над обрывом. И не громко всхрапнул конь, да спугнул стаю диких уток, с шумом взлетевших, почти одновременно раздался ружейный залп. Как вскрикнул Назаренко, никто не услышал...

– Обнаружили нехристи, – срывая с плеча винтовку, Кочубей поспешил занять позицию на взгорье. – Лягай рядом, Алесь, стреляй! Стреляй... чёрт тебя дери!

В тишине предрассветного сумрака ружейные выстрелы казались необычно громкими. Вздыхающийся с низины туман заволакивал пространство, размазывая очертания пред-

метов и стирая расстояния. Не видя ничего вокруг, Алесь передёргивал затвор и стрелял, передёргивал и стрелял, пока Кочубей не потянул за плечо:

– Хватит, Алесь, отступили они.

* * *

Подоспевшие на выстрелы казаки из сотни понесли тела весельчака и балагура Назаренко, пулемётчиков, трех казаков. Курды не только на патроны не поскупились: кроме ружейных ран, у всех от уха до уха перерезано горло. Алесь, не выдержав, отвернулся, но Кочубей со злостью тряхнул его, почти крикнул:

– Гляди! Досыть-то кисейной барышней быть! Гляди, запоминай: промедли мы с тобой стрельбу поднять, и нам бы, чисто хрякам, глотки перерезали.

Чуть спокойнее добавил:

– Кровь у тебя на рукаве, зацепило, видать. Дай, перевяжу. Больно?

– Не знаю, – Алесь смотрел на вытекающую струйку крови и удивлялся собственной бесчувственности. Рана как рана, но то, что он только что видел...

– Они же люди. Откуда, Иван Антонович, столько жестокости?

Кочубей помолчал, вздохнул:

– Известно откуда: от войны да несправедливости. Я,

Алесь, старшой был, акромья меня у отца – девятеро, мал ма-
ла меньше. Детство да юность – всё пастухом в степи; почи-
тай, в станице жить и не приходилось, какие уж там гимна-
зии-семинарии. Ты ведаешь, я с грамотой не в ладах, а ска-
жу тебе: в обычае у них так с врагами обращаться. Дома они
свои защищают, за что их виноватить... Да и мы с тобой не
виновны, что врагами им стали. Война всё, клятая... Алесь,
что с тобой? Алесь?

Урядник едва успел подхватить обмякшее тело товарища.

* * *

Не прошло и двух дней, как Кочубей появился в больнич-
ной палате рядом с Алесем. Устроился на соседней койке,
оживлённо заговорил, словно не расставались:

– Ты, братец, брось: чуть что – сразу без памяти. Напугал
ты меня. А за своих мы учёра-то сквитались... Точно, та бан-
да: конь назаренковский у них под седлом стоял... Эх, тебя
не хватало. Ты бы с пулемёта как застрочил, – расхохотался
урядник, поглаживая забинтованную ногу. – Не серчай, не
серчай, шуткую. Но стрелял ты лихо: вже и патроны кончи-
лись, а ты все палишь в туман...

– Между прочим, сами меня пулемётным инструктором
назначили перед есаулом Шкурой, – огрызнулся Алесь, – вот
и учился у пулемётчиков. Евграфыч-то многое мне успел по-
казать, пока так не кончил...

Алесь потупился.

– Не шутикуешь? Верно, с пулемёта стрелять смог бы?

– В воздух-то что за хитрость... а в людей...

– Запомни, Алесь, – Кочубей рассердился так, что даже глаза посветлели, сошлись на переносице брови, – во врагов. В людей – нет, а во врагов – треба!

И тут же опять забалагурил:

– Нам за геройский подвиг и за ранения отпуск положен. Залечим раны, да поедем с тобой на Кубань. Мабуть, и хороши персиянки, а только наши девки – краше, сам увидишь. Пристроим тебе на рукав шинели нашивку за ранение, над ней – эмблему пулемётчиков, шитую золотом. Чем не жених? Любая краля польстится. Гляди, Алесь, из богатой семьи выбирай, каб земельки – вдоволь.

Вздохнул:

– Эх, как же хорошо у нас в степи по весне... душа расцветает, – и тут же застеснялся сказанного, – нешта я дюже расчувствовался. Стихи-то не забыл? Почитай про васильки, коли помнишь.

– Помню.

Негромко, нараспев читает Алесь любимые строчки:

– Ад родных ніў, ад роднай хаты...

Древними временами от стихов повеяло, когда собирали подневольных девушек на панском дворе с наказом золотые пояса ткать, повторяя узоры персидские. Но думки девичьи за окошко тянутся: там под голубым небом лес темнеет, река

серебрится, рожь к земле клонится. А по обочинам поля –
васильки головы подняли.

– ...І тчэ, забыўшыся рука,
Заміж персідскага ўзора,
Цвяток радзімы васілька¹³.

* * *

Солнце медленно и лениво тонуло в сгустившихся багровых облаках, завершая длинный, бестолковый день: не дождались Алесь с Кочубеем поезда. А на станцию Акстафа надо попасть обязательно: там ждал урядник, с которым оставили они своих коней. Оттуда походным порядком на Джульф и далее в Персию.

– Эй, казачки, откуда и куда путь держите?

К Кочубею с Алесем подступился юнкер в распахнутой шинели. Бледное лицо, красные воспалённые глаза.

– Из отпуска после госпиталя, ваше благородие, – привычно отрапортовал Алесь, – направляемся в Персию, к месту дислокации части.

¹³ «От нив родных, от милой хаты.....И забываясь, ткёт рука,Взамен персидского узора,Родимый образ василька».Стихи Максима Богдановича, перевел Д. Выгодский.

Юнкер покачнулся,дохнуло перегаром:

– Какая к чёрту дислокация, казаки, если со всех фронтов войска бегут. Что нам Персия и англичане, здесь надо родину-матушку защищать. Временное правительство войска собирает, подмоги требует.

– Я, ваше благородие, никому акромья государя-императора не присягал, – отрубил Кочубей. – Ваши енералы его приневолили отречение подписать, сами ту кашу и хлебайте.

– Ах ты, скотина! Ты за эти слова поплатишься! – в дрожащей руке появился наган.

– Сопли вытри, прежде чем в казаков стрелять, ваше благородие. На фронт, небось, не поспел...

Кочубей вырвал оружие, швырнул на землю, а самого юнкера с силой оттолкнул к сгрудившимся рядом приятелям, зашумевшим:

– Арестовать его! В суд! По законам военного времени!

– Слухав бы Бог пастуха, так всё стадо бы передохло, – усмехнулся Кочубей, – ходим, Алесь, надоели мне эти благородия хуже редьки горькой.

– Міхась, чаму дагэтуль курэй не пакарміў? – рассердзi-
лась Ева. – Проста беда: всё с книжкой да с книжкой. Как
будто дома дел нету. І вады прынесці трэба.¹⁴

– Сейчас, – белоголовый мальчонка захлопнул книжку,
засунул её под резинку широких полотняных штанов и схва-
тился за ведро. Пробегая по двору, дал подзатыльник млад-
шему брату:

– Не буду табе чытаць ўвечары: ты абяцаў курэй пакармі-
ць.¹⁵

– Сейчас, – кивнул головой меньшей, но с места не сдви-
нулся. Гусеница, переползающая с одного капустного листа
на другой, полностью завладела его вниманием. Если бы так
изогнуть ручки глиняного кувшина...

– Няма бацькі, вось і вырастаеце лайдакамі¹⁶, – вздохнула
Ева.

– Не, мы сейчас, – мальчишки переглянулись, засмеялись
и занялись бесконечными хозяйственными делами.

¹⁴ Михась, почему куры до сих пор не кормлены?.. И воду надо принести. (бел.)

¹⁵ Не буду тебе читать вечером: ты обещал кур покормить. (бел.)

¹⁶ Нет батьки, вот и растёте бездельниками. (бел.)

* * *

Только когда сели ужинать, Михась вспомнил:

– Ева, цябе дзядзька Язэп клікаў.¹⁷

– Зноў? О, божа, – Ева подозрительно посмотрела на брата. – Ты ў чымсьці правініўся?¹⁸

Михась ответил безукоризненно честным взглядом и отрицательно покачал головой.

* * *

Иосиф, которого все звали по-белорусски Язэп, был справным хозяином. Семь десятин земли давали неплохой урожай, да и живность: несколько коров, пара лошадей, козы – позволяли не волноваться о завтрашнем дне хотя бы настолько, насколько это возможно в беспокойное военное время. По-соседски Иосиф помогал Еве пахать её небольшой участок, взамен Михась пас коров, ухаживал за лошадьми. Случались и каверзы: зачитается Михась, забудет про бурёнок, забредут они на чужое поле – хозяину урон за потраву, а Михасю – быть драному за уши. Уж хозяин не преминёт.

¹⁷ Ева, тебя дядька Язэп звал. (бел.)

¹⁸ Опять? О, Господи... Ты в чём-то провинился? (бел.)

Из материнского кофра достала Ева сорочку с вышитым воротом и проймами, широкую юбку с оборкой, глянула мимоходом в зеркало: за два года девочка-подросток превратилась в привлекательную барышню с вьющимися русыми волосами, выбивающимися из-под платка, глубокими серыми глазами и пухлыми губами, алыми без всякой помады. Вот только большие натруженные руки да обветренная кожа на загорелом лице не могли скрыть ежедневные тяготы жизни.

– Вот и хорошо, что пришла, – Иосиф только что подоил коров и, стоя в сенях, процеживал молоко.

Одобрительно осмотрел с ног до головы:

– Заневестилаась, девка. Проходи в хату, разговор есть.

Через несколько минут и сам зашёл в комнату, переодетый по-городскому: в коричневых брюках, синей сатиновой рубашке. Красавцем не назовешь, но крепкий, с цепкими прищуренными глазами и большим кривоватым носом. Походил по комнате, собираясь с мыслями:

– Задумал я, Ева, хозяйку в дом взять, сама видишь, вся женская работа на мне. Подумай, как ты? Пошла бы? Знаю, хвосты за тобой есть. Не обижу, голодными ходить не будут.

От неожиданности Ева покраснелась, всплеснула руками:

– Хозяйкой, говоришь, гаспадыняй? А як жа чувства?¹⁹

– Гэта дзяцінства, Ева²⁰, – перешел Иосиф на белорусский и тут же продолжил. – Неволить не стану, только смотри са-

¹⁹ ...хозяйкой? А как же чувства? (бел.)

²⁰ Это детство. (бел.)

ма: братья без мужской руки растут. Кто их делу научит? Михась всё книжки читает, коли захочет да заработает, в семинарию в городе отдам, германцы, кажут, её белорусской сделали. Из Янека гончар получится, справно он из глины поделки лепит. Ну, а что ты доброй женой будешь – и сам вижу.

Усмехнулся:

– К тому же, однофамильцы мы, так что, видать, сам Господь велит нам породниться.

* * *

Едва различимая в сумерках тропинка вела вглубь леса. Справа и слева вздымались тёмные ели, а впереди, дразня прохладой, журчал ручей. В просвет облаков, освещая путь, выглянула ненадолго луна и спряталась, оставив тусклый размытый след на вечернем небе. Вдалеке прокричала что-то свое одинокая птица. Ева дошла до ручья, присела на обросший мхом валун, пригорюнилась. В деревне этот ручей, на котором когда-то стояла мельница, сделанная Алесем, так и называли: «Млынок Блазняка», сокращая и переиначивая фамилию Близневский.

«Эх, Алесь, Алесь... Где ты, что с тобой? – вытерла тыльной стороной ладони сухие глаза. – Надо идти домой. Янек может испугаться, что меня так долго нет, а Михась не сумеет успокоить.»

Лекции закончились поздно. Уличные фонари с трудом разгоняли сумрак, в окнах двух-, трёхэтажных домов горел свет, протягивая к прохожим свои тёплые ладони и бросая отсветы на тротуар. Сильный порыв холодного ветра, швырнув в глаза пыль, заставил Александра Станиславовича зажмуриться и повернуться лицом ко входу в институт, из которого он только что вышел. Протёр глаза, привычно окинул взглядом трёхэтажное здание, сверху донизу густо увитое виноградом. Даже сейчас, когда почти все листья опали, причудливый рисунок тёмных веток обнажённой лозы украшал фасад.

Поёжившись, профессор поднял воротник плаща и, засунув руки в карманы, направился в сторону Немана. Много лет в любую погоду он возвращался домой пешком, выбирая улочки, где сохранились старинные дома с резными деревянными дверями, коваными балюстрадами балконов, а во дворах на верёвках круглый год сушили белье.

Почему-то его привлекало это сочетание будничной житейской простоты с благородным силуэтом видного издалека Фарного костёла, зелёные купола которого маячили впереди. Впрочем, сейчас Александр Станиславович шагал, не глядя по сторонам. Сутулился, вытаскивал из карманов озябшие руки, потирал лоб... Пытался думать о работе, сожалел, что

намеченная встреча с аспирантом опять не состоялась: парень способный, но последнее время мало занимается наукой – говорит, что болеет мать, необходимо подрабатывать.

Опять заныли на груди шрамы. В молодости не ощущал их, а с годами всё чаще, чаще... Память упорно возвращалась в прошлое, пришедшее одновременно с мыслями «о деталях движения». Да ещё эта пыль... Старый профессор усмехнулся: в его возрасте любая мелочь становится катализатором памяти.

Как же давно не вспоминал он слегка раскосые чёрные глаза, тонкий прямой нос, красиво очерченные бледные губы... А когда-то облако густых каштановых волос, окружавшее почти классический профиль, преследовало его каждую ночь, стоило только закрыть глаза. Правда, обычно волосы были уложены в тяжёлый узел на затылке, как и положено строгой молодой преподавательнице – Аннет нечасто разрешала себе распускать их.

Но в ту ночь в своей комнате она вынула шпильки, волны волос словно даже с облегчением покатались по узким плечам на прозрачную шёлковую сорочку. Холодными, не успевшими согреться после улицы руками Аннет расстегнула на нём рубашку и, не удержавшись, вскрикнула: левая половина груди была исчерчена безобразными шрамами.

– Боже мой, Алекс, я думала, это единственный след войны, – осторожно прикоснулась к шраму на лице, перечеркнувшему глаз. – Это тогда же?

– Да.

– Бедный мой мальчик. Какой ужас эта ваша война. Зачем ты участвовал в ней?

– Ты не поймешь, – от смущения получилось грубее, чем хотел.

Алесь попытался запахнуть рубашку, но она прижала его ладонь к своей щеке, потом поднесла к губам, поцеловала:

– Не могу поверить, что такая тонкая, изящная рука могла держать оружие, стрелять...

Он промолчал. В тот момент это и вправду казалось лишь страшным сном.

Масленицу восемнадцатого года встречал Алесь в родной станице Кочубея, на Кубани. Отгуляли, как положено: блинами объелись – чуть животы не полопались, напились так, что Митька, вернувшийся с западного фронта одноногим, да старик Никифор в Бейсужке утонуть умудрились. Речка-то тихая, спокойная, даром что извилистая, а вот поди ж ты! Что уж там казаки не поделили – одному богу известно, только нашли их, схватившихся за грудки, на отмели ниже по течению. В Прощёное воскресенье, ясное дело, станичники друг перед дружкой повинились, залили прощение самогоном, а как пост настал – пригорюнились... Пахать скоро, но у кого не было землишки до войны, у того и не прибавилось. У иного героя – грудь в крестах, а земли – с пятак, другой и вовсе – всю жизнь в долгах.

* * *

Мрачный бродил Кочубей по улочкам станицы, спускался к реке, вновь поднимался на высокий правый берег... Всё было не по нему в этой новой жизни, которая на поверку ничем не отличалась от старой. Даже река, что текла мимо станицы, называлась: «Бейсужек Правый». Сердце сводило – так хотелось и ему правым быть, но лишь в старинных каза-

чьих напевах о воле та правда была, а в жизни – вроде и совсем не осталось. Кулаки сжимались, чувствовал силу в себе за правое дело постоять, понадобится – и жизнь отдать, лишь бы вовек больше никому кланяться не пришлось.

* * *

– Покуда ты, Алесь, у Наталки блины трамбовал, я на Тихорецкую подался.

Они специально пришли к Бейсужеку, чтобы никто не помешал разговору, присели на старую расщепленную иву, по шершавому стволу которой Кочубей когда-то любил взбираться, выкладывая ей свои мальчишеские горести. С тех пор корни подмыло, и дерево низко склонилось над рекой, почти касаясь ветками воды. Насколько хватало взгляда, берега густо поросли камышом и кустарником, дальше на левом берегу открывалась глазам бурая, ещё зимняя степь, но кое-где уже проглядывали жёлтые пятнышки то ли горицвета, то ли звездочки гусяного лука, обещая в скором времени разлиться красочным половодьем цветущей степи.

– Там-то, на станции, солдат да казаков – тьма-тьмушая. Гуторят, енералы на Екатеринодар войска ведут, большевики вроде там засели. Прицепился ко мне, значит, офицеришко: «С нами, казак, пишлы!». Я ему раз – «Уступи дорогу!», другой, а он всё одно: «Пишлы да пишлы против красной сволочи!». Осерчал я, Алесь, и рубанул его...

Кочубей с сожалением вздохнул, но тут же крепко сжал губы, отмечая любые сомнения.

– Они супротив меня, конечно, вызвелились, а подойти боятся: ясно, уж двух-трех ещё рубануть успею... Я, не поворачиваясь, потихоньку отступаю, и шёпотом почти: «Братцы, кто желает без енералов к лучшей жисти иттить? Ступай до меня, в мой отряд, разом пойдём нашу правду шукать!» Что думаешь, Алесь? Добра сотня набежала, да за спиной встала. С оружием, главно дело. Один даже трофейный ручной пулемёт приволок, видать, с западного фронта солдатик. Распустил я их покедова, по домам распрощаться да продовольствием обзавестись. А завтра поутру, решено уже, пойдём на подмогу Екатеринодару. Что толковать, у меня с этими енералами, юнкерами, да кадетами – разные пути-дорожки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.